

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Демон никогда
не спит

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Кинжал всевластия»

Александрова, Наталья.

А46 Демон никогда не спит : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-104871-6

Долгие века древнее арийское племя таится от людей, ведь ему доверено великое сокровище — кинжал королей-священников, дающий безраздельную власть над народами земли. Эта священная реликвия ни в коем случае не должна попасть в чужие руки, иначе мир ждет страшный конец. Но сколько столетий существует артефакт, столько времени идет борьба за его обладание.

В наши дни к тайне священного клинка оказался причастен крупный реставратор Дмитрий Старыгин. Обладающий авантюрной жилкой и всегда следующий зову интуиции, он оказался на пути таинственного преступника, чью внешность и голос мгновенно забывают после встречи все его собеседники. А тех, кто встает на пути «невидимки», ждет неминуемая гибель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104871-6

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Степан выпрямился, положил лопатку на сухую кочку, протянул руку к кустику черники. Ягоды были сморщенные, перестоявшие, невзрачные, чудом не осыпавшиеся с куста, но когда он бросил горсточку в рот — рот наполнился удивительной душистой сладостью.

— Не найдем мы сегодня ничего! — проговорил он, жадно сглотив черничный сок. — Надо обратно двигать, а то до темноты на дорогу не выберемся.

— Еще полчаса, — пропыхтел Мишка, вонзая лопатку в черную глинистую почву. — Вот этот окопчик еще проверим... не может быть, чтобы здесь ничего не было!..

— Очень даже может, — недовольно отозвался Степан. — Сам знаешь, сколько народу здесь до нас побывало...

— Не бухти. — Мишка осторожно отбросил пласт земли, копнул еще раз. — Коли уж приехали, надо работать...

— Ох, придется нам снова в лесу ночевать, а ночи сейчас холодные, все же не лето... — протянул Степан, но снова взялся за саперную лопатку.

Он копнул раз, другой, и вдруг лопатка глухо звякнула. Металл наткнулся на металл.

— Видишь, а ты говорил — ничего не найдем! — Мишка повернулся к нему заросшей рожей, довольно ухмыльнулся: — Я же говорил — в этом окопчике непременно что-то должно быть! Подходящий окопчик, соответствующий!

Они с Мишкой уже много лет выбирались по выходным на Синявинские болота, на места бывших кровопролитных боев, и копали, копали, копали...

Как другие любители отправляются в леса области за грибами или за ягодами, на рыбалку или на охоту, так они отправлялись на тайные раскопки.

Таких, как они, называли «черными следопытами». Их гоняла поселковая милиция, иной раз кто-то из «следопытов» подрывался на mine или на гранате, но, несмотря на это, мрачные озабоченные мужики и молодые парни поодиночке или маленькими компаниями тянулись в эти леса.

Земля эта была густо наштапована ржавым железом, оставшимся с Великой Отечественной войны. Прежде, лет двадцать назад, здесь чего только не находили — пулеметы и минометы, ржавые штыки и кортики, боеприпасы, каски, личные вещи... Сейчас, конечно, интересные находки попадались реже, но кое-что все же случалось находить.

— Небось банка из-под пива или еще какая-нибудь ерунда... — проговорил Степан, осторожно орудуя лопаткой.

Но по вспыхнувшему в груди жару, по легкой дрожи рук он понимал уже, что не жестянка из-под пива и не ржавая деталь от чьей-то разбитой «шестерки» попала под его лопату. Это было что-то подлинное, что-то стоящее.

Потихоньку, стараясь не повредить находку, он разгребал землю. Выполз на свет потревоженный дождевой червяк, возмущенно изогнулся и снова ушел в почву. Степан действовал осторожно, внимательно, как хирург, — ведь здесь вполне могла оказаться целая граната или неразорвавшийся снаряд, а тогда неверное движение может стоить ему жизни или увечья...

Он копнул еще раз, другой, и из-под осыпавшейся земли показался краешек широкого лезвия.

— Кажется, кортик! — проговорил у него за спиной Мишка.

Оказывается, он уже давно перестал копать и теперь следил за тем, как Степан освобождает от земли свою находку.

— Точно, кортик! — повторил он, отряхивая колени от налипшей земли и желтых сосновых игл. — Штандартен нам за него сотку баксов отвалит, как пить дать!

— Ничего не кортик! — отозвался Степан с удивившим его самого раздражением. — Кортик длиннее и уже...

— Тогда штык-нож? — усомнился приятель. — За него меньше дадут... да нет, не похоже!

Степан и сам уже видел, что его находка не похожа ни на офицерский кортик, ни на простецкий солдатский штык. Появившееся из-под земли лезвие было очень красивой формы — широкое, плавно сужающееся к острию, с узкой прожилкой посередине, оно напоминало древесный лист. И еще — оно удивительно хорошо сохранилось, его почти не коснулась ржавчина...

Степан еще раз отбросил землю, и перед ним предстала ладная изящная рукоять, покрытая

тонкими узорами. В середине отчетливо просматривалась свастика, а от нее разбегались странные значки, каких ему прежде не встречалось.

— Немецкий! — уважительно произнес Мишка и потянулся к ножу. — Эсэсовский, не иначе!

— Не лапай! — выпалил Степан и обхватил рукоять заскоруждыми пальцами.

Рукоять легла в ладонь так хорошо, так привычно, как будто ей там было самое место.

— Что значит — не лапай? — обиженно протянул Михаил. — У нас с тобой как договорено? Все, что нашли, — пополам!

— Пополам, пополам! — Степан закусил губу, чтобы сдержать неожиданно нахлынувшую злость.

Почему, собственно, он должен делить с кем-то свою находку? Ведь это он нашел кинжал, значит, он — его законный хозяин... ну, почти законный! Да и как можно одну вещь разделить на двоих?

Мишка как будто прочитал его мысли.

— Хороший ножик! — проговорил он суетливо. — Я таких и не видал никогда! Штандартен за него не меньше трехсот баксов отстегнет! По полтора ста на брата — клево!

— Ножик! — передразнил его Степан, и непонятная ярость разлилась в груди.

В этом — весь Мишка. Ему бы только продать каждую находку да пропить деньги. Или потратить на какую-нибудь ерунду. Конечно, Степан тоже от денег не отказывался, но и сами вещи, больше полувека пролежавшие в земле, заставляли взволнованно биться его сердце.

Ну, может, не все, но этот кинжал заставил. Он словно звал Степана, манил его. Он, этот кинжал, хотел найти нового хозяина, и Степан отлично подходил на эту роль...

— Ножик! — зло повторил он. — Тебе лишь бы продать! Ты все готов продать, мать родную продашь, если хорошо заплатят!

— Ты мою мать не трожь! — набычился Михаил, но тут же удивленно спросил: — Ты чего, Степ? Сдурел, что ли? Ведь мы с тобой сколько лет вместе копаем... всегда все по-честному, по-ровну... никогда не собачились... Ты чего?

— Да я ничего... — опомнился Степан, поднимаясь на ноги. — Ну, пора идти, а то и правда до темноты не выйдем!..

— Клади сюда этот... кинжал. — Мишка дернул завязки мешка, где лежали сегодняшние находки — помятая фляга со свастикой, позелевшая пряжка от ремня, стальной портсигар с гравировкой «1942» и эмблема войск СС — две молнии на темном фоне.

— Ну уж нет! — огрызнулся Степан, волком глянул на давнего приятеля и сунул кинжал за пазуху.

— Степ, да что с тобой? — Мишка посмотрел на него удивленно, покачал головой. — Устал ты, видно!..

Он закинул мешок на плечо, повернулся спиной к другу и зашагал по тропинке, перескакивая с кочки на кочку и обходя тускло блещущие оконца воды.

Степан шел за ним, и в душе его снова поднималось непонятное глухое раздражение. Он смотрел на стриженный затылок Михаила, на его красную обветренную шею, и в голове ворочались тяжелые, темные мысли, как валуны в быстрой горной реке.

Кинжал... нельзя его продавать. И отдавать никому нельзя. Этот кинжал лежал здесь шестьдесят с лишним лет, дожидаясь его, именно его, Степана.

Это его вещь, его оружие. С ним его жизнь пойдет по-другому, и сам он станет совершенно другим человеком — сильным, смелым, значительным.

Почему-то ему привиделся скалистый утес, возвышающийся над бурным северным морем, а вверху, над утесом, — парящий в сумрачном небе белый орел...

Ему приходилось прежде находить оружие — пистолеты, гранаты, винтовки. Чаще — истлевшие, заржавленные, ни к чему не пригодные, но иногда, случалось, — и вполне сохранившиеся, бое-способные. Еще чаще попадались штыки и офицерские кортики. Но к тем находкам он относился совершенно спокойно, они не задевали его души, и Степан с легким сердцем продавал их Штандартену или другим скупщикам. Но с этим кинжалом дело обстояло совсем по-другому...

Нет, его никак нельзя продавать.

Конечно, Мишка будет недоволен, но кто его слушает? Ишь, как припустил — и не оглянется, не думает про друга...

И вообще — какой он друг? Так, попутчик... ему лишь бы побольше барахла накопать да продать подороже. Как только таких земля носит?

Степан сунул руку за пазуху — прикоснуться к рукоятке кинжала, погладить ее... Рукоятка неожиданно ловко легла в ладонь, пальцы обхватили ее, сжались...

Степан прибавил шагу, догоняя приятеля. Теперь он шел мягко, пружинисто и даже затаил дыхание, так что Мишка услышал его, только когда их разделял один шаг. Он удивленно оглянулся, округлил глаза, раскрыл рот и выдохнул:

— Ты что, Степ?

Степан резко выбросил руку вперед, взмахнул, всаживая лезвие кинжала за левое ухо приятеля.

Михаил вскрикнул коротко и мучительно, ноги его подогнулись, он упал на колени, неловко попытался подняться, но глаза помутнели, покрывшись смертной пленкой, и он тяжело повалился лицом в болотную жижу.

— Вот так... — проговорил Степан, отступая и не сводя глаз с мертвого тела. — Вот так...

Руки его дрожали, но рукоятка кинжала была по-прежнему крепко сжата в правой. Степан наклонился, вытер лезвие о мох. На зеленом остались темно-красные капли. Приглядевшись, Степан понял, что это вовсе не кровь, а спелые ягоды брусники. Он собрал их свободной рукой, жадно затолкал в рот, разжевал. На этот раз вкус совершенно не чувствовался — как будто жуешь мокрую бумагу.

В голове тяжело бухало, перед глазами плыли красные круги. Он дышал тяжело и шумно, как будто пробежал километр с полной выкладкой или разгрузил КамАЗ кирпича.

«Что же я сделал?» — подумал он удивленно, растерянно, но тут же почувствовал приятный холод металла в руке и сразу успокоился. Он сделал все правильно, сделал то, что надо. Теперь только осталось довести сделанное до конца.

Степан подхватил мертвое тело под мышки, поволок его по кочкам к большому окну темной воды, обрамленному блеклой болотной травой. Михаил сделался каким-то невероятно тяжелым, Степан пыхтел и напрягался. Труп зацепился за торчащий из земли корень, перевалился на спину.

Степан увидел широко открытые глаза друга и невольно отшатнулся, как от удара.

— Что я сделал! — прошептал он в ужасе, но снова перед глазами его возник мрачный утес на берегу бурного моря...

Степан сжал зубы, подтащил тело к краю болотного озера, столкнул его в темную, мутную воду.

Вода глухо булькнула, по ее поверхности побежали неясные круги, и снова все затихло.

Катя проснулась от тревожного, тоскливого завывания машины «Скорой помощи» за окном. Рядом находится больница, наверное, опять какого-нибудь бедолагу везут в реанимацию. Спасут ли?.. Скорее всего, нет. А впрочем, на все Божья воля, как говорит их библиотечная уборщица баба Зина.

Вой затих, Катя полежала немного, засыпая, и вот, когда побежали уже перед закрытыми глазами разноцветные узоры, как в детском kaleidoscope, и она задышала ровнее, в ушах раздался резкий крик, полный муки. Крик был такой явный, как будто человека мучили рядом, в соседней комнате. И такой ужасный, словно того, кто издавал этот крик, убивали, пытали, рвали на части.

Катя рывком села на кровати и прижала руки к колотившемуся сердцу. В комнате было тихо, только едва слышно тикал будильник. Сквозь щель в занавеске пробивался неверный свет уличных фонарей. По стене пробегали отсветы фар редких машин.

Катя вытерла рукой испарину со лба. Сердце никак не хотело успокаиваться. Она ни минуты не сомневалась, что крик послышался ей во сне — невозможно представить, что человек может услышать такое наяву и не сойти с ума от ужаса.

И тут она услышала тихий, но очень явственный звук, словно кто-то коготками скребется в деревянную дверь.

Звуки раздавались совсем рядом, в этой же комнате, в нескольких шагах от ее кровати...

Неужели у нее завелись мыши?

Катя спустила ноги на пол, встала, шагнула вперед, вгляделась в темноту.

Подозрительные звуки доносились с той стороны, где стоял старый тяжеловесный комод. Один из ящиков комода чуть заметно шевельнулся, как будто невидимая рука попробовала его выдвинуть.

Катя крадучись, задерживая дыхание, приблизилась к комоду.

Звуки стали заметнее, слышнее. В ящике комода что-то шевелилось, стучалось, просилось наружу...

Что-то или кто-то.

Ящик скрипнул и начал медленно выдвигаться, как будто то, что пряталось в нем, пыталось вырваться наружу.

Катя зажала рот рукой, чтобы не закричать от охватившего ее невыразимого ужаса...

И на этот раз действительно проснулась.

Сердце колотилось, влажные простыни сбились в комок, на лбу выступили капли пота.

Катя встала и на дрожащих ногах подошла к окну. Свежий ночной воздух свободно пробирався в раскрытую форточку, стало быть, кошмар приснился вовсе не от духоты. Она постояла немного возле окна, обхватив себя за плечи и глядя сверху на темные, взволнованно колышущиеся деревья, не успевшие еще потерять листву, на блестящую от мелкого дождя мостовую, на огромное

здание больницы, где окна не гасли даже глубокой ночью.

Все было как всегда — безлюдная улица, тишина в ее квартире, уютное тиканье будильника. И одиночество. Уж одиночество-то точно никуда не денется!

Из форточки явственно тянуло холодом, Катя вздрогнула и отошла от окна. Хорошо бы сейчас выпить чаю. Рубиново-красного от крепости, и чтобы рядом с чашкой на блюдечке лежали мелко наколотый сахар и ломтики лимона. Мама любила так пить чай и ее приучила.

Катя зажмурила глаза, чтобы удержать привычно подступившие слезы. Мама умерла полтора года назад, и Катя до сих пор не может смириться с утратой. Днем боль немного отступает, Катя отвлекается на работу, на повседневные дела, но вот ночью... Впрочем, в последнее время она думает о маме гораздо меньше.

Потому что появился человек, который завладел мыслями и прочно утвердился в душе и сердце, изменил саму ее жизнь.

Катя неслышно усмехнулась в темноте. Даже сама с собой она не может говорить в простоте, все выбирает какие-то выражения из классических романов. Конечно, что с нее взять — библиотекарша, книжный червь, насквозь пропиталась запахом вековой книжной пыли. От нормальных женщин духами пахнет, а от нее — старой бумагой, ей бы с мышами дружить...

Катя скривила губы, представив себе человека, который в свое время говорил ей такие слова. Не говорил — кричал. Бросал эти фразы ей в лицо, выплевывал их, брызгая слюной и тяжело сопя, надвигаясь на нее крупным, тяжелым, налитым

телом. Катя почувствовала воочию запах крепкого мужского пота, от которого ее мутило, увидела красное от злости лицо и выпученные глаза.

Это было... дай бог памяти... больше пяти лет назад. Именно тогда состоялось у них последнее, если можно так выразиться, объяснение с Игорьком — ее будущим мужем. Будущий сразу перескочил в бывшие, так и не побывав настоящим. И как же Катя сейчас этому рада!

Они всегда жили с мамой только вдвоем, отца у Кати не было. И бабушек-дедушек тоже. Мама родила Катю поздно, ей подходило уже к сороковнику, бабушки к тому времени не осталось в живых, а вся дальняя родня отвернулась от нее, чтобы она не повесила им на шею своего ребенка. Прямо они так не говорили, но дали понять, так что мама сама из гордости прервала с родней все отношения.

Они жили вдвоем — очень скромно и уединенно. Мама воспитывала Катю на примерах классической русской литературы, а как же иначе, если она всю жизнь эту самую литературу преподавала в средней школе!

«Запомни, Катюша, — твердила мама с тех самых пор, как в пятилетнем возрасте дочка научилась читать, — у классиков ты найдешь ответы на все вопросы. Надо только внимательно читать романы и прочувствовать каждое произведение!»

И Катя послушно читала, она вообще росла тихой, прилежной и умненькой девочкой. До тринадцати лет носила две аккуратные косички, в то время как девчонки устраивали на головах форменное безобразие, как говорила мама, красили волосы во все цвета радуги, наводили под